ПИСАТЕЛЬ В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Кн. обозрение. — 1994. — 27 дек. — с. 5—6.

Максимов Владимир

ВЛАДИМИР МАКСИМОВ: «Я — ХРИСТИАНСКИЙ АНАРХИСТ: МНЕ БУДЕТ НЕУДОБНО ПРИ САМОЙ ИДЕАЛЬНОЙ ВЛАСТИ...»

С Владимиром Максимовым мы встретились в Варшаве в Российском центре науки и культуры на конференции «Новые явления в восточнославянских литературах 80-х гг. XX в.» Рассказ о конференции — впереди. А пока — беседа с писателем, который в последнее время вызывает у многих удивление, восхищение, неприятие, неприязнь... Во всяком случае, после чтения нынешней публицистики Владимира Максимова или прослушивания его выступлений равнодушных не бывает... Почему-то захотелось поставить эпиграфом к нашей беседе слова поэта:

А мог бы жизнь просвистать скворцом,
Заесть ореховым пирогом...
Да, видно, нельзя никак.

Может быть, публикуемый текст даст читателям ответ на некоторые возможные вопросы к писателю Владимиру Максимову. Или поставит вопросы новые...

— Владимир Емельянович, 1995 год — год Черной свиньи. Как вы полагаете, ожидает ли Россию какое-нибудь очередное *свинство*? С другой стороны, свинья — российская кормилица...

— Русская свинья, так сказать, многолетнего производства: из года в год почему-то все больше растет. В новом году, думаю, еще сильно подрастет. Мне кажется, хорошего нас ничего не ожидает. В конце концов, свинья не выполнит свою функциональную миссию — никак нас не накормит... Самое страшное, что страна уже не только *не стоит*, но *лежит*. Как ее поднять? Можно придумать разного рода экономические, идеологические, культурологические концепции. Но где она, та панацея, то средство, которое поможет нам выздороветь? Я его не вижу. Поэтому не думаю, что год Свиньи обещает нам что-то хорошее.

— Наша беседа проходит в рождественские дни. Неужели она будет донельзя безысходной? Не жду от Максимова рецепта — и все-таки, как вы думаете, в каком направлении стоит идти, чтобы выйти на свет?

— Если бы я знал... В этом вся суть: нету и не вижу ни в ком вокруг себя Моисея, который бы знал, *куда* нам идти.

— Сейчас много говорят о выборах. На кого из политиков вы делаете ставку?

— Есть много вполне достойных, масштабных людей. Впрочем, назовешь одного, а в ответ: «Это не тот...» Мне, например, очень симпатичны такие фигуры, как Святослав Федоров, Григорий Явлинский... У них есть хоть какие-то концепции, предложения. Я не знаю, насколько они перспективны, но они *есть*, выработаны. В ответ мне опять говорят: «Это — не то...»

Короля делает свита. Надо делать Личность. Надо создавать общенациональную фигуру, которая более или менее подошла бы *всем* и вокруг которой могли бы аккумулироваться перспективные идеи. Но главное, самое важное — ни в коем случае не позволить осуществиться примитивной, коварной идее — отменить или отложить выборы. Выборы есть гигиена демократии. Пусть выберут еще хуже — не важно! Важно, чтобы были выборы. Мне порой задают вопрос: «Когда в России будет демократия?» Демократия будет тогда, когда власть имущие научатся отказываться от власти и наконец-то привыкнут к мысли, что *надо уходить*. Придут другие, а вы через четыре года поборитесь снова... Народ сам должен — ошибаясь множество раз — выработать для себя оптимальный вариант исполнительной власти. Идейка же отменить выборы ради того-то, того-то и того-то приведет нас в наше прошлое, только, мне кажется, еще более отвратительное.

— Вот так выберет народ Жириновского, а там выборы не то что через 4 — через 74 года не состоятся. Или опять пойдет стопроцентный «одобрямс».

— Я всю жизнь на Западе считался крайним антикоммунистом и в самом деле считал, что хуже *этого* ничего быть не может. Но сейчас, глядя на то, что происходит (не только в России, но и во всем посткоммунистическом мире), я думаю о возможности куда более плохой ситуации. Я называю эту ситуацию криминальным капитализмом...

— Вы поэтому стали печататься в «Правде»?

— Не только поэтому: выбор становится все уже. В 90-х годах я мог печатать что угодно и где угодно. Просили, звонили... А теперь предлагаю — отказываются, предлагаю — отказываются.

— И демократическая пресса?

— И демократическая пресса отказывается. «Правда» же мне предложила *регулярно* выступать на ее страницах. И я этим соблазнился. Я выступаю с антикоммунистических позиций...

— ...в коммунистическом издании? Гоголевская ситуация!

— Согласен — гоголевская. Понимаете, когда коммунисты в оппозиции, — они самые главные демократы.

— Это импровизация или заранее заготовили?

— Импровизирую! Вспомните Ленина. А вот как только они приходят к власти, выявляется другое. Так что я пользуюсь трибуной. Я отвечаю за свои слова. Я знаю, что каждые десять дней я скажу то, что хочу сказать. Это очень важно.

У меня были очень хорошие отношения с крупным итальянским политическим деятелем Джулио Андреотти — это очень видный историк, прекрасный писатель. Будучи главой правительства и (неоднократно) министром иностранных дел, главой партии, он тем не менее в течение сорока лет еженедельно выступал с колонкой в журнале «Эуропео». Как-то в разговоре с ним я упомянул о том, как мало эффекта дает мой журнал. «Вы не правы, — сказал мне он. — Это должно быть регулярно... Я знаю: как бы я ни был занят, каждую неделю какое-то число итальянцев ждет моего выступления. Вы увидите, как с годами это скажется на вас, на вашем отношении к стране и читателю — и на отношении страны и читателя к вам...»

Сейчас у меня вышло собрание сочинений, идут в театрах пьесы... Но обратной связи я не чувствовал. Впервые ощутил ее лишь после того, как стал регулярно, каждые десять дней, выступать в газете. Дело ведь не в «Правде». Предложи мне то же самое любое другое издание, я сделал бы это с такой же охотой.

— Какую обратную связь хотел бы иметь с читателями своих книг писатель Владимир Максимов? Маяковский писал, кажется: «Прочти и катай в Париж и Китай...» А последователи Толстого? Начитались книг гения — стали ходить босиком... Обратная связь — слишком тонкое, неуловимое, я бы сказал — интимное явление. Обычным зрением не увидеть. Кстати, то, что ваши статьи сейчас возвращаются газетами демократического направления, — это тоже обратная связь!

— Я хотел бы услышать, *что* думают о моих книгах люди, которые их читают. Некоторые говорят: «Они (то есть мы) сидели-сидели у себя на Западе...» Как будто я сидел сложа руки и выехал из России с большим удовольствием. Я все-таки *что-то* делал эти 20 лет и, согласитесь, заработал моральное право выступать и говорить о своей стране.

Критики о моих книгах я не слышу почти никакой. Почти никакой! Эпизодически кто-то где-то что-то скажет, но оценки тому, что я сделал за 40 лет работы в литературе, часто политические, общественные...

— В России всегда политическое превалировало над эстетическим: один роман Чернышевского (настольная книга Ильича!) чего стоит!

— Рассуждают так: если ты нам близок, то ты и писатель хороший... Еще вчера «деревенщики» были эталоном нашей литературы. Теперь оказывается: они писатели плохие, дутые величины. А я так не считаю. Я считаю, что это было действительно замечательное направление в нашей литературе.

— Хочу скорректировать ваш тезис: мне приходилось встречаться, беседовать и публиковать беседы с теми, кто предъявляет упреки «деревенщикам». Никакого нигилизма я не видел. Главный упрек: «деревенщики» не стали духовными вождями того времени, которое они приближали своими книгами. Согласитесь, когда Распутин или Белов стоят в одной шеренге с теми, кто их травил и «не пущал», — это еще одна гоголевская ситуация. Следовательно, речь идет о том (как я понимаю критиков упомянутых писателей), что книги их выполнили свою публицистическую функцию и остались в литературе

(Окончание на стр. 6).

27.12.94

ВЛАДИМИР МАКСИМОВ: «Я — ХРИСТИАНСКИЙ АНАРХИСТ: МНЕ БУДЕТ НЕУДОБНО ПРИ САМОЙ ИДЕАЛЬНОЙ ВЛАСТИ...»

(Окончание. Начало на стр. 5).

благодаря художественным достоинствам. Ну, а эпигоны «деревенщиков» типа В.Личутина — особая тема. Русская пословица о таких говорит: «Хоть сзади, да в одном стаде»...

Впрочем, вернемся к разговору о писателе Максимове.

— Повторяю, нынешняя критика зависит от политической позиции писателя. Против меня начинают выступать даже друзья, которые всегда высоко оценивали мои книги в литературном плане. И все это только потому, что я не разделяю их общественных воззрений... Но вы-то меня спрашиваете, какую обратную связь я хотел бы видеть! Отвечаю: я хотел бы объективной оценки своего творчества. Увы, но даже такой устоявшейся в России культуре, как письма, пришел конец.

— Здесь все упреки — Минсвязи!

— Мне рассказывал Дудинцев, какое огромное количество писем он получал в начале перестройки. То же самое было у Рыбакова... Считалось естественным писать в журналы письма. Теперь не пишут. Два-три письма придет на роман. Это зависит от многих причин. Мы со своими публикациями якобы невостребованной литературы попали в период, когда людям, к сожалению, стало не до нее. Во всяком случае, так называемому «широкому читателю». Читатель, он остался. Читатель, который любит литературу, — вечный. Он есть, он следит за тобой. Но автор книг его не чувствует. А за газетными публикациями он виден. Мне звонят довольно уважаемые люди, пишут письма, приглашают... Я понимаю, что моя общественная позиция трогает только определенный слой людей. Но я все-таки увидел этот слой! И его поддержка для меня на старости лет очень важна.

— Хочу задать вам вопрос, который наверняка волнует читателей ваших книг и статей, сторонников и противников ваших взглядов... Помните, Остап Бендер, агитируя в «Союз Меча и Орала», задавал сакраментальный вопрос: «Ваше политическое кредо?» Так вот, кто вы, писатель Владимир Максимов, печатающий антикоммунистические статьи в коммунистической «Правде», по своим политическим взглядам?

— Когда-то одна норвежская газета, по-моему, очень точно определила мои убеждения: христианский анархист.

— Кажется, это — два «далековатых понятия» (если вспомнить формулу Ломоносова), на стыке которых должна рождаться поэзия...

— Вспомните историю первых христиан. Это и были христианские анархисты. Они не принимали власти как таковой. Формально — «кесарево — кесарю»... Но они никогда не принимали никакой власти. Мне, наверное, будет неудобно при самом идеальном правительстве. Во мне есть какой-то комплекс: вообще не переношу проявление власти в чем бы то ни было. Даже в человеческих взаимоотношениях. Кто-то хорошо сказал о том, почему из таких людей, как я, не могут получаться руководители: чтобы уметь руководить, надо уметь подчиняться... Я подчиняться не умею!

— Но «Континентом» вы ведь руководили.

— Это совсем другое дело: я был хозяином. У меня не было начальников. Только поэтому! Все держалось на мне да на жене. Те люди, которые числились у меня в журнале, ничего не делали. Я не могу заставить человека работать или приказать ему что-либо. Я могу только попросить. А попросить нашего человека, вы знаете, — это все равно что не просить вовсе.

Руководить — довольно сложное занятие. Я уже цитировал: сначала надо научиться подчиняться... Смотрите, у меня постоянно было какое-то отстранение от власти. Был Горбачев — я выступал против. Теперь, когда от него ничего не зависит, — мы в довольно хороших и близких отношениях. В моем «Карантине» есть один монолог, который я считаю своим кредо: всегда — с побежденными, никогда — с победителями!

— Здесь вы существуете в русле русской традиции: быть с маленьким человеком.

— Это миф о русской литературе. Вся мировая литература — о маленьком человеке. Сейчас — особенно у модернистов — стало модным говорить: «Ах, эта наша проклятая литература «маленького человека»... Она ко всему и привела Россию». А если вспомнить, то литература «маленького человека» — это от Сервантеса до Бальзака.

Второй миф: литература в России всегда, мол, претендовала на большее... Вся мировая литература всегда претендовала на большее. Вспомните: Гюго в конце жизни всерьез обсуждал проблему переименования Парижа в город Гюго. Он был политиком, сенатором, пророком, к нему прислушивались правительства... Сартр оставался высочайшим политическим авторитетом до конца своих дней. Впрочем, политики и сами занимаются литературой: Помпиду, например, литературовед. А Миттеран, говорят, прекрасный стилист. Де Голлю даже предлагали членство во Французской академии, на что он со свойственной ему скромностью отвечал: «Франция не может быть принята во Французскую академию...»

У нас тоже сейчас пишут все. Если бы только то, что пишут, стоило бумаги, на которой написано!.. Какая-то катастрофа: правительство графоманов. У каждого из них — собрание сочинений.

— Добавлю, что и оппозиция грешит тем же: вспомним хотя бы опусы Владимира Вольфовича!..

А над чем сейчас работает писатель Максимов? Или он отдался целиком газете?

— В изящной словесности я сейчас занялся исключительно драматургией. У меня пошли пьесы. В Польше должна вот-вот состояться премьера на ТВ. Идут пьесы в Словакии, Франции...

— На российском ТВ ничего не ожидается?

— Нет, ничего.

— Что вас так не жалуют? Из-за статей?

— Я стараюсь не гадать. Какую бы причину ни высказал, решат: объясняет свои неудачи политической позицией. Зачем? Хочу сейчас посмотреть опять-таки на обратную связь: если будет какой-то отзвук, это меня подвигнет на продолжение работы. Замыслы у меня в драматургии есть.

— Какой может быть отзвук в драматургии? Зрители приходят, смотрят и уходят...

— В пьесах — отдача сразу. Я сразу вижу результат. Хотя это — довольно мальчишеское отношение к делу. Так нельзя. Почему тебе нужен сразу, видите ли, результат?! В конечном счете ты должен рассчитывать на вечность — если у тебя большие амбиции. В свое время хорошо об этом писал Булгаков: ты придумываешь себе волшебный фонарик, зажигаешь его, и в нем начинают ходить, говорить твои герои... Вот что доставляет мне удовольствие. Я ведь пишу, знаете ли, с ненавистью — к бумаге отношусь, как к врагу. А вот с пьесами дело обстоит по-другому.

— Стало быть, Владимир Емельянович, вы к созданию пьес покамест относитесь как любитель. У профессионалов работа пахнет потом. Только любители ловят от нее кайф.

— Помнится, первая пьеса, которая осталась у меня в памяти, была «Синяя птица» Метерлинка во МХАТе. С тех пор *это* стало для меня театром — волшебный фонарь, в котором происходит чудо. Чудо, зависящее от меня самого.

— Довольны ли вы своим собранием сочинений или внесли бы коррективы?

— Не кокетничая, скажу: ненавижу то, что я уже написал. Я не могу перечитывать свои книги. Это что-то клиническое, болезненное: не могу! Знаю писателей, которым нравится перечитывать себя, цитировать... Я же, например, не выношу, когда при мне меня хвалят. Неудобно.

— А когда ругают?

— Бывает тоже неприятно. Но у меня есть особенность: когда меня ругают, я перечитываю себя и думаю: «Господи, что же это такое?! Что я нагородил!» А когда меня хвалят, открою свою книгу: «Да вроде ничего...» Меня можно убедить в чем угодно! Можно убедить в том, что плохо написано. Должен сказать абсолютно честно: я не верю в себя.

— Это говорит Максимов-писатель или Максимов-публицист?

— Это говорит Максимов-человек... У меня слишком много внутренних амбиций — по части творчества. Но поскольку я профессионал, я знаю, *что* мне удалось сказать, и вижу несоответствие между тем, что хотел сказать, и тем, что сказал. Хотел сказать много-много-много, а сказал какую-то ерунду и совсем не теми словами.

У меня есть две-три вещи, к которым я отношусь неплохо. Это фрагменты романа «Семь дней» и отдельные страницы в «Колчаке». Но главное, уверяю вас, я никогда не перечитываю свои книги. Никогда!

— А какие книги вы перечитываете?

— Таких книг несколько. Книга книг для меня — «Смерть Ивана Ильича». Я даже хотел бы написать что-то похожее, но это значило бы повторить Толстого в очень жалком виде. Из современников: у меня есть несколько писателей, которых я могу постоянно перечитывать. «Сандро из Чегема», Шукшин, «ГУЛаг» — именно «ГУЛаг» и «лагерная литература» такого уровня. Беру с полки и начинаю читать с любой страницы. Люблю многие вещи Белова... А «Сандро...» почему-то более всего. Сразу вхожу в такую жизненную «экзистенцию»!..

— В заключение хочу спросить вас, что бы вы пожелали читателям России в новом году.

— Я бы пожелал всем нам *подняться*. И осмотреться вокруг себя. Если мы не поднимемся и будем продолжать смотреть в землю... Плохо будет. Пусть на меня обрушатся опять наши большие либеральные мыслители, но мы — великий народ и заслуживаем лучшей участи...

Беседовал
Александр ЩУПЛОВ.

«ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ» БЕСТСЕЛЛЕРЫ

Место	Издание
1	**АНТОЛОГИЯ ФРАНЦУЗСКОГО СЮРРЕАЛИЗМА.** — М.: Гитис, 1994.
2	Кафка Ф. **СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.** В 3 тт. — Харьков: Фолио; М.: Прогресс, 1994.
3	Бахтин М. **ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО.** — Киев: Next, 1994.
4	Паскаль Б. **МЫСЛИ.** — М.: Refl-book, 1994.
5	**МИНУВШЕЕ.** Выпуск 16. — М.: Atheneum; СПб.: Феникс, 1994.
6	Афанасьев А. **ПОЭТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ СЛАВЯН НА ПРИРОДУ.** Т. 2. — М.: Индрик, 1994.
7	Кублановский Ю. **ЧИСЛО.** — М.: Изд-во московского клуба, 1994.
8	Витгенштейн Л. **ФИЛОСОФСКИЕ РАБОТЫ.** Часть 1. — М.: Гнозис, 1994.
9	Успенский В. **ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ.** В 2 тт. — М.: Гнозис, 1994. Серия «Язык. Семиотика. Культура».
10	Рэндлз Д., Хог П. **ПОСЛЕ ЖИЗНИ.** — Ярославль: Периодика, 1994.

Список составлен по результатам опроса в книжных магазинах Москвы: «Ад Маргинем» (1-й Новокузнецкий пер., 5/7), «Гилея» (ул. Знаменка, 10), «19 октября» (1-й Казачий пер., 8), «Эйдос» (Чистый пер., 6, и ул. Хавская, 24, корп. 2), «Библио-Глобус» (ул. Мясницкая, 6).

Подготовила
Л.ГОРЮНОВА.